

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ТЕРМИНОМ «ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ»?¹

Ирина Г. Овчинникова

Пермский государственный университет, Россия

Analyzing contexts of the term “linguistic awareness” we can see different approaches to the phenomena of linguistic awareness. Some psycholinguists interpret this phenomena as products of mental activity, verbalized by lexical units. Meanwhile for lack of a lexical unit in a language it is possible to verbalize any content in a sentence. So psychologists discuss the psychophysiological basis of language competence and speech performance as a component of linguistic awareness. At least some linguists propose to distinguish linguistic awareness and communicative awareness. We try to precise the interpretation by determining connections of the phenomena with such kind of objects as mental activity, conscience, culture.

Языковое сознание – широко используемый в психолингвистике термин. Этим термином принято обозначать с трудом поддающийся определению феномен – вербализуемые лексическими средствами национального языка результаты ментальной деятельности. При более широкой трактовке языковое сознание включает психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека (например, Ушакова, 2003).

Исследованием языкового сознания активно занимаются представители Московской школы психолингвистики. Е.Ф. Тарасов считает принадлежностью языкового сознания все «овнешненное» содержание сознания (Тарасов, 2000). В таком случае границы языкового сознания определяются возможностью вербализации результатов актов восприятия и переработки информации. Подробное рассмотрение определений языкового сознания и принципов его исследования можно обнаружить в работах Т.В. Ушаковой (Ушакова, 2004). Т.В. Ушакова указывает на принципиальную равнозначность терминов «языковое сознание» и «речевое сознание» (Там же). Тем самым языковое сознание рассматривается как более широкое явление, чем лексикон (совокупность номинативных единиц), поскольку в речи может быть обозначен любой феномен, не имеющий специальной однословной или идиоматичной номинации. Как справедливо отмечает И.Н. Горелов, в принципе любое содержание сознания может быть

¹ Исследование поддержано РГНФ (грант 05-06-80070).

вербализовано (Горелов, 2007). Между тем, Н.В. Уфимцева обращает внимание прежде всего на лексикализованное, т.е. обозначенное единицей лексикона, содержание сознания и изучает языковое сознание русских на материале лексических ассоциаций (Уфимцева, 2002).

Разработанные Н.В. Уфимцевой принципы анализа позволяют моделировать актуальное состояние языкового сознания этноса и на основе этих данных восстанавливать предшествующее состояние языкового сознания (там же). Подобный подход к феномену языкового сознания в российской науке обнаруживаем у Ю.Н. Караулова, который предложил модель языковой личности, включающей лексикон, семантикон и прагматикон (Караулов, 2002). Семантикон языковой личности отражает индивидуальные смыслы, активируемые единицами лексикона национального языка. Языковое сознание, насколько мы можем судить, охватывает семантикон в его отношении к лексикону: взаимосвязи лексических единиц, обусловленные личным когнитивным и коммуникативным опытом.

Совпадения в когнитивном и коммуникативном опыте членов языкового коллектива, определяющие сходство семантикона, обуславливают возможность реконструкции языкового сознания этноса, использующего национальный язык. Заметим, что в мировой научной традиции наиболее последовательно подобный, в целом лексикоцентрический, подход реализует А. Вежбицка, рассматривающая национальную культуру и этнокультурную специфику сознания сквозь призму ключевых слов, именующих некоторые концепты и семантические примитивы (Wierzbicka, 1997).

Общераспространенным является положение об этноцентризме сознания как следствии взаимодействия национального языка и культуры, взаимообусловленности языка и мышления (Леонтьев, 1993; Wierzbicka, 1997). И.В. Привалова в теоретико-экспериментальном исследовании этнокультурной маркированности языкового сознания доказывает: «Культурнообусловленное сознание интегрирует знание о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксеологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» (Привалова, 2005: стр. 7). Кроме того, «образ этноязыкового сознания конституируют функциональные / операциональные единицы трех пространств: лингвистического, когнитивного, культурного. Эти пространства особым образом структурированы и состоят из функциональных

единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации» (Там же). Этноязыковое сознание приравнивается к языковому сознанию, описываемому в этническом аспекте как модель языкового сознания определенного языкового коллектива, обусловленная национальной культурой. Национальный язык выступает и как средство трансляции культуры (Тарасов, 2000), и как способ вербального воплощения культурной традиции, поскольку «язык — это продукт культуры, язык — это структурный элемент культуры, язык — это условие культуры. Фундаментальный смысл его в том, что язык концентрирует и воплощает в единстве все основания человеческой жизни» (Дейк Ван, 1989: стр. 47). Между тем, национальная культура неоднородна, как неоднороден национальный язык в индустриальном и постиндустриальном обществе. Этноязыковое сознание также оказывается многомерным, отражает различия субкультур и вариантов национального языка. Этноязыковое сознание представляет полилог, в котором можно обнаружить «множественность подходов, позиций, оценок, что создает основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М. Бахтину, возможности развития, создания нового содержания» (Уфимцева, 2002: стр. 162). Соответственно, этноязыковое сознание интегрирует различные аксиологические системы, представленные в традиционной, массовой и элитарной субкультурах (Толстой 1995). Напомним, что необусловленное какой-либо из национальных культур сознание являет собой феномен более высокой степени абстракции, имеющий право на существование благодаря принадлежности каждой из культур человеческой цивилизации.

Наряду с языковым сознанием выделяют сознание коммуникативное и когнитивное (Стернин, 2002). Когнитивное сознание объединяет всю мыслительную деятельность человека, т.е. когнитивное сознание равно когнитивной, или интеллектуальной сфере. Коммуникативное сознание — «это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» (Там же).

Поскольку коммуникация предполагает знание и использование национального языка, постольку языковое сознание оказывается частью сознания коммуникативного. На наш взгляд, данные дефиниции обладают определенной ценностью, позволяя разграничивать коммуникативную и речевую компоненты при анализе

языкового материала, в том числе и полученного экспериментально. Между тем, как нам кажется, апелляция к отдельности типов (модусов?) сознания, обеспечивающих мыслительную, речевую и коммуникативную деятельность, довольно спорна. Насколько мы можем судить, разграничение коммуникативного и языкового сознания по существу совпадает с разграничением коммуникативной и языковой компетенции. В коммуникативное сознание, в отличие от коммуникативной компетенции, включены коммуникативные механизмы. Коммуникативные механизмы не определены, не оговаривается их отношение к механизмам речи, описанным в классической работе Н.И. Жинкина (Жинкин, 1998).

Определение языкового сознания предполагает разграничение содержания терминов *сознание*, *мышление*, *образ (картина) мира*. Каждый из терминов обозначает различные феномены. Термином *сознание* в русской научной традиции принято обозначать рефлексивную психическую деятельность, включающую перцепцию, переработку воспринятого и формирование целостной картины мира, содержащей знания и отношения, объекты и самого субъекта в отношении к ним (см. прежде всего: Рубинштейн, 1998; Леонтьев, 1975). Ключевым в данном случае является понятие рефлексии, т.е. отношения субъекта к объекту: субъект включен в картину мира как наблюдатель, фиксирующий пространственные, временные и прочие характеристики объекта с определенной субъективной позиции, точки зрения. Полагаем, что интерес к языковому сознанию и его этнокультурной специфике как раз и определяется потенциальной возможностью различных позиций субъекта при обработке воспринятой информации и воплощении знаний средствами национального языка. Неслучайно исследование языкового сознания непременно затрагивает и сферу культуры, поскольку любая позиция члена социума (представителя этноса) культурно обусловлена.

Как видим, картина (образ) мира является одним из компонентов сознания. Это целостное и системное отражение реальности составляет основу ориентировки и планирования поведения, в том числе и коммуникативного. Картина мира неоднородна. Общепринятым является разграничение вербальной (языковой) и невербальной картины мира на основании способа кодирования информации (см., например, Касевич, 1995). В свою очередь, на основании способа переработки необходимой для формирования картины мира информации различают наивную и научную картины мира (Там же). Наконец, в рамках языковой картины мира В.Б. Касевич предлагает выделять собственно языковую и текстовую картины мира,

в зависимости от источника поступления вербальной информации (Там же). Научный образ мира представляет частный случай текстовой картины мира, поскольку складывается в результате восприятия и переработки информации, содержащейся в текстах, функционирующих в определенной социальной сфере (Там же). Думается, что разграничение научной и наивной картин мира принципиально важно, так как научная картина мира в силу принадлежности к узкой социальной сфере и направленностью на решение специфических задач стремится к нивелировке этнокультурных различий. Повидимому, языковая картина мира представляет собой, с одной стороны, результат функционирования языкового сознания, закрепленный в лексиконе и грамматике национального языка; с другой стороны – основу для ориентировки в коммуникативной ситуации при рождении и восприятии речи.

Мышление сопряжено с сознанием, но не равноценно ему. Мышление представляет одну из высших психических функций, обеспечивающих способность перерабатывать информацию с целью решения различных задач, так или иначе связанных с постановкой вопросов и поисков ответов на них при реализации простой или сколь угодно сложной деятельности. Мышление – необходимое условие становления сознания. Между тем, мышление, в силу направленности на постановку и решение задачи, стремится освободиться от национального языка. В отечественной научной традиции, восходящей к культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, мышление и языковую способность рассматривают в качестве сопряженных результатов социально обусловленной деятельности (Выготский, 1934). Слово представляет собой орудие психической деятельности – мышления. Речь, наряду с вниманием, памятью и мышлением, по мнению Л. Веккера, становится сквозным психическим процессом, пронизывающим все сферы индивида: интеллектуальную (когнитивную), волевою, эмоциональную (Веккер, 2001). Мышление, его различные типы (образное, операциональное, вербальное, символическое), позволяет сформировать картину мира. Различные типы мышления обеспечивают разнообразие способов переработки информации в процессе анализа актов перцепции и синтеза целостного образа мира.

Мы сознательно оставляем в стороне обсуждение психофизиологии мышления и нейрофизиологических основ языковой (речевой) способности человека. Мы убеждены в том, что рассмотрение феномена языкового сознания не предполагает обращение к нейрофизиологии и нейропсихологии, поскольку феномен

сознания не обусловлен материальным субстратом мышления, сознания и языка – головным мозгом человека. Сознание противопоставляют бессознательному, т.е. неосознаваемому субъектом содержанию психической деятельности. Неосознаваемое психическое в психологии чаще обозначается термином «подсознание»; термин «бессознательное» многие полагают неудачным, ссылаясь на авторитет Д.Н. Узнадзе (Симонов, 1987: стр. 178). Подсознание содержит «хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться навыки и вытесненные из сферы сознания мотивационные конфликты», «глубоко усвоенные субъектом социальные нормы», «те проявления интуиции, которые не связаны с порождением новой информации» (Симонов, 1987: стр. 180).

При изучении языкового сознания обычно ограничиваются ссылками на закрепленные в национальном языке, но неосознаваемые представления. Насколько мы можем судить, речь идет о подсознании, содержание которого в принципе может быть осознано субъектом. Исследователей языкового сознания интересуют, как это ни парадоксально, как раз противопоставленные сознанию «глубоко усвоенные субъектом социальные нормы» и «проявления интуиции». В таком случае ключевой признак сознания – рефлексивность, отношение субъекта к объекту – полагают точкой зрения, позицией наблюдателя, закрепленной в системе номинаций, прежде всего в лексиконе. Языковое сознание приравнивается к наивному (или обыденному) сознанию, оперирующему наивной картиной мира.

Если полагать, что к языковому сознанию относятся еще и психические механизмы, обеспечивающие речевую деятельность, то возникает дополнительная проблема разграничения сознания и психики применительно к языковой способности и речевой деятельности индивида.

Термин языковое сознание используют в качестве синонима «психофизиологический речевой организации индивида» (см. Щерба, 1974). Л.В. Щерба писал о системе языковых представлений как о своеобразном индивидуальном варианте системы языка, подчеркивая социальную ценность языковой системы, описываемой лингвистами. «Психофизиологическая речевая организация» индивида, по Л.В. Щербе, является индивидуальным проявлением языковой системы. А.А. Залевская справедливо полагает, что психофизиологическая речевая организация индивида представляет собой четвертый аспект языковых явлений (Залевская, 1999). Думается, что языковое сознание и психофизиологическая речевая организация индивида – это терминологические сочетания,

обозначающие различные феномены. Исследователи языкового сознания подчеркивают, что закрепленные в языке представления характерны для языкового коллектива. Психофизиологическая речевая организация – индивидуальное образование, которое Л.В. Щерба называет «индивидуальным языком», анализируя отношение индивидуального языка к общенациональному и «языкам» различных социальных групп. Совпадение индивидуальных языков, необходимое для успешного функционирования языка национального, Л.В. Щерба объясняет социальными условиями, единством когнитивного и коммуникативного опыта. Термины «психофизиологическая речевая организация индивида» и «языковое сознание» разграничивают феномены, противопоставленные по шкале «индивидуальное – социальное».

Таким образом, языковое сознание представляет собой такой аспект изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, неосознаваемых носителями языка. Языковое сознание – скорее предмет исследования, чем объект. Языковое сознание как аспект изучения речевой деятельности не предполагает обращения к психическим механизмам ее обеспечения, поскольку механизмы не принадлежат сознанию. Единицы языкового сознания, естественно, не совпадают с языковыми единицами. За единицы сознания принимают концепты, воплощаемые в речи различными способами: словом, словосочетанием, высказыванием. Л.В. Щерба, обсуждая словарь и грамматику, подчеркивает, что концепты «в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны» (Щерба 1974: стр. 28). Иначе говоря, концепт как единица языкового сознания – результат переработки определенного опыта. Языковое сознание, в свою очередь, формируется у индивида в результате коммуникативного опыта, поскольку вне коммуникации освоение языка невозможно. Не вызывает сомнения культурная обусловленность языкового сознания. В этнокультурном аспекте языковое сознание представляет полилог субкультур.

Литература

- Веккер. Л.М. 2001. Психика и реальность: единая теория психических процессов. Москва.
- Выготский. Л.С. 1934. Мышление и речь. Москва.
- Горелов. И.Н. 2007. Невербальные компоненты коммуникации.

Москва.

Дейк ван. Т.А. 1989. Язык. Познание. Коммуникация. Москва.

Жинкин. Н.И. 1998. Язык. Речь. Творчество. Москва.

Залевская. А.А. 1999. Введение в психолингвистику. Москва.

Караулов. Ю.Н. 2002. Русский язык и языковая личность. Москва.

Леонтьев. А.Н. 1975. Деятельность. Сознание. Личность. Москва.

Привалова. И.В. 2005. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование). АДД. Москва.

Рубинштейн. С.Л. 1998. Основы общей психологии. Санкт-Петербург.

Стернин. И.А. 2002. Коммуникативное и когнитивное сознание. С любовью к языку. Москва-Воронеж. С. 44-51.

Симонов. П.В. 1987. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии. Москва.

Тарасов. Е.Ф. 2000. Язык как средство трансляции культуры. Москва. С. 45-53.

Толстой. Н.И. 1995. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва.

Уфимцева. Н.В. 2002. Взаимодействие культур и языков: теория и методология. в Встречи этнических культур в зеркале языка. Москва.

Ушакова. Т.В. 2004. Понятие языкового сознания и структура речемыслительной деятельности. в Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. научных трудов под ред. Н.В. Уфимцевой. Москва – Барнаул. С. 6-17.

Щерба. Л.В. 1974. О трояком аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании. в Языковая система и речевая деятельность. Москва. С. 24-39.

Wierzbicka. Anna. 1997. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York: Oxford University Press. 317 p.